

НЕКРАСОВ-ФЕЛЬЕТОНИСТ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФЕЛЬЕТОНЫ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ
МИНИАТЮРЫ НЕКРАСОВА 1844—1845 гг.

Статья и публикация Б. Бухштаба

Среди громадной литературной продукции Некрасова первой половины 40-х годов видное место занимают фельетоны. К этому жанру Некрасов приходит в конце этого периода, испробовав уже свои силы в беллетристике, критике и драматургии. Прозаические фельетоны его относятся к 1844—1845 гг. Им предшествует стихотворный фельетон типа «Провинциальный подъячий в Петербурге» и «Говоруна».

Привести в известность фельетоны Некрасова — задача нелегкая, так как в большинстве своем они анонимны, а меньшая часть подписана псевдонимами, не употреблявшимися Некрасовым под произведениями других жанров. В 1918 г., используя все наличные к этому времени материалы, В. Дернова смогла назвать в своем указателе лишь два фельетона, подписанных прозрачным псевдонимом Н и к-Н е к¹.

Выявление фельетонов Некрасова началось лишь после Октябрьской революции. К 1930 г. оказалось возможным снабдить собрание сочинений Некрасова (III, 372) следующим списком его фельетонов, восходящим к комментариям К. И. Чуковского при собраниях стихотворений Некрасова и к ненапечатанному докладу Д. С. Лихачева:

«В „Литературной Газете“ 1844 г. помещены: „Письмо петербургского жителя в провинцию к приятелю“ (№ 9), „Хроника петербургского жителя“ (№№ 13, 14, 16, 18 и 19), „Петербургская хроника“ (№№ 23, 27, 28, 30, 33, 35, 41—44), „Письмо *** ского помещика...“ (№ 15), „Нечто о дупелях, о докторе Пуфе и о псовой охоте“ (№ 34), „О лекциях доктора Пуфа“ (№ 41), „Преферанс и солнце“ (№ 47). В 1845 г. — „Дагерротип“ (№№ 1—5).

В 1846 г. в сб. „Первое апреля“ — „Пощечина“».

Список этот, несомненно, является существенным приобретением некрасововедения, но, не давая атрибуциям никаких мотивировок (то же в значительной мере относится и к комментариям К. И. Чуковского, по которым он отчасти составлен), не может считаться окончательным.

Надо, прежде всего, указать, что количество журнальных мелочей, написанных Некрасовым в 40-е годы, огромно, и вряд ли можно надеяться когда-нибудь выявить их целиком, поскольку они большей частью анонимны и далеко не в каждом произведении есть признаки, позволяющие приписать его Некрасову с большей или меньшей долей достоверности. Приходится ограничиваться, главным образом, ц и к л а м и, так как здесь атрибуция может быть произведена по совокупности данных, относящихся к разным произведениям, входящим в цикл².

В частности, в «Петербургской хронике», систематически печатавшейся в «Литературной Газете» 1844 и 1845 гг., можно выделить, как будет показано ниже, два цикла, несомненно принадлежащих Некрасову: «Хроника петербургского жителя» и «Петербургские дачи и окрестности». Эти циклы и выделены в вышеприведенном списке (второй цикл под общим названием «Петербургская хроника»). Непонятно, почему не включен фельетон № 17 за 1844 г., открывающий цикл «Петербургские дачи и окрестности». Непонятно, с другой стороны, на чем основана атрибуция фельетонов в №№ 35 и 41—44. Возможно, конечно, что Некрасов вообще вел «Петербургскую хронику» в 1844 г. и в начале 1845 г. Но если быть в этом уверенным, надо включить все номера

хроника, а не только эти. Неверно огульное приписывание Некрасову всего отдела «Дагерротип» в №№ 1—5 «Литературной Газеты» 1845 г. Составитель списка, вероятно, основывался здесь на следующих словах автобиографии Некрасова:

«Издавал Краевский „Литературную Газету“... Сюда я писал очень много. Краевский по контракту взял на себя всю работу за 18 000 р. ассигнациями, а сдал мне всю ее за 6 000 р. в год. В газете был отдел дагерротип. Весь он, исписывался мною и в стихах и в прозе»³.

Составитель списка, очевидно, понял слово «весь» в последней фразе буквально и именно поэтому включил лишь первые пять номеров «Дагерротипа», так как в № 6 помещен рассказ «Собачка» за полной подписью Д. Григоровича. Между тем, сотрудничество Некрасова не прекратилось на пятом номере «Дагерротипа». Когда оно окончилось, нетрудно установить. По указанию самого Некрасова, он перестал печататься в «Литературной Газете» с апреля 1845 г.⁴ Этому указанию вполне соответствует то, что «Дагерротип», появившийся с начала 1845 г. в каждом номере «Литературной Газеты», прекратился на № 11 (от 22 марта) и возобновился лишь в № 16 (от 3 мая) — очевидно, уже под новым руководством.

Можно утверждать, что не все, что опубликовано и в первых пяти номерах «Дагерротипа», принадлежит Некрасову. Так, фельетон «Новости с литературной биржи», напечатанный в № 5 с подписью «Литературной биржи маклер Назар Вымочкин», является слегка дополненной перепечаткой фельетона под тем же заглавием и с той же подписью, напечатанного в «Литературной Газете» в 1840 г. (№ 86, стлб. 1960—1962), т. е. в то время, когда Некрасов не был сотрудником «Литературной Газеты» и не писал в подобном роде⁵.

Таким образом, не следует ни ограничивать участие Некрасова в «Дагерротипе» 1845 г. первыми пятью номерами, ни приписывать все содержание этих пяти номеров Некрасову; это так же неосновательно, как приписывать ему все одиннадцать номеров, в которых есть ряд произведений, написанных в непохожей на Некрасова манере (например, «Петербургские разговоры» за подписью Г — х а в №№ 3 и 8, неподписанные очерки в №№ 7, 10, 11). Несмотря на особую близость Некрасова к «Дагерротипу», мы все же вправе приписывать ему и здесь лишь те произведения, авторство которых подтверждается какими-нибудь дополнительными данными.

Из атрибуций, сделанных после рассмотренного списка, единственно несомненным является указание К. И. Чуковского на «Письмо к доктору Пуфу», напечатанное в «Литературной Газете» 1845 г., № 6.⁶ Другое указание того же автора — на «Петербургскую хронику» в № 38 «Литературной Газеты» за 1845 г., из которой Чуковский вносил в собрание сочинений Некрасова отрывок «Пою, пою я подвиг оный»⁷, — является плодом недоразумения, так как, согласно сказанному выше, в это время Некрасов уже не участвовал в «Литературной Газете»⁸.

Н. С. Ашукин в книге «Летопись жизни и творчества Некрасова» приписывает Некрасову «Петербургскую хронику» з № 5 «Литературной Газеты» 1845 г. и письмо «Об отчете одного журнала» за подписью Ф — й в № 38 за 1844 г. Первая атрибуция никак не обоснована, вторая основана на том, что письмо объединено под общим заголовком «Два письма из провинции» с заведомо некрасовским фельетоном «О лекциях доктора Пуфа» (подписанным «Афанасий Похоменко»). Основание вряд ли достаточное.

Из сказанного очевидна необходимость составления мотивированного перечня фельетонов Некрасова. Попытаемся дать его, предупреждая, что для большей ясности аргументации нам придется перечислять фельетоны не в хронологической последовательности, а в порядке логической связи атрибуционных аргументов.

«Х р о н и к а п е т е р б у р г с к о г о ж и т е л я». — «Литературная Газета», 1844, №№ 13, 14, 16, 18, 19. Подпись: И. П р у ж и н и н. Продолжение, под заглавием «З а п и с к и П р у ж и н и н а». — «Литературная Газета», 1845, № 5 (отдел «Дагерротип»).

Этот цикл фельетонов, написанный в форме дневника мелкого петербургского чиновника в характерной для нарождавшейся «натуральной школы» манере имитации

болтовни «маленького человека» — с плеоназмами и частыми перескоками мысли, со специфическими «гоголевскими» оборотами речи и выражениями. Малознакомый Некрасову быт дан в самых общих и традиционных чертах: подличанье перед начальством, взятки, карты, вышивки, обжорство, пререкания с женой — вот основные темы дневника. «Хроникальные» темы даны, конечно, тоже лишь доступные «рассказчику»: погода в Петербурге, мелкие городские новости, праздники, уличные развлечения, иногда новые спектакли. По темам и тону фельетон непосредственно примыкает к стихотворным фельетонам Некрасова — «Провинциальный подьячий в Петербурге», и, в особенности, «Говоруна».

Принадлежность фельетонов Некрасову доказывается рядом признаков. Псевдоним П р у ж и н и н находим впоследствии под шуточной повестью «Как опасно предавать-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ОЧЕРКУ «ОМНИБУС. СЦЕНЫ ИЗ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДАЧНОЙ ЖИЗНИ» В СБОРНИКЕ «ФИЗИОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА» ЧАСТЬ II, 1845 г.

Гравюра Е. Бернадского

ся честолюбивым снам», написанной Некрасовым совместно с Достоевским и Григорьевичем и напечатанной в альманахе «Первое апреля» (СПб., 1846). В «Записках Пружинина» помещено, в качестве произведения сына Пружинина, четверостишие «Любезна маменька, примите...», которое после смерти Некрасова было опубликовано его сестрой как детское стихотворение самого Некрасова. Есть тематические совпадения с другими прозаическими и стихотворными произведениями Некрасова. Наконец, характерным моментом является ввод стихотворной автоцитаты: в один из фельетонов включена глава из «Говоруна» («Для краткости приведу здесь стихи одного моего знакомого шелкопера: точь-в-точь про меня написано!»). Мы увидим дальше, насколько характерно для фельетонов Некрасова 1844 г. включение отрывков из «Говоруна», две главы которого Некрасов напечатал под псевдонимом Б е л о п я т к и н а в двух изданных им в 1843 г. маленьких «развлекательных» книжках «Статьки в стихах без картинок». Быть может, это включение имело целью возбудить интерес публики к «Говоруну»,

которого Некрасов в то время намеревался продолжать (глава III напечатана в «Литературной Газете», 1845 г., № 2).

«Хронику петербургского жителя» предваряет неподписанный фельетон «Письмо о петербургского жителя в провинцию к приятелю», напечатанный в «Литературной Газете», 1844 г., № 9. Написанное в том же тоне, что и «Хроника», это письмо кончается сообщением, что автор его намерен стать сочинителем и посылать свои сочинения в «Литературную Газету». В замечке, открывающей «Хронику петербургского жителя», указывается, что она написана автором «Письма петербургского жителя».

С «Хроникой петербургского жителя» тесно связано и «Письмо ***ского помещика о пользе чтения книг, о вредности бараньих бурдюков с кашей и о русской литературе», напечатанное в «Литературной Газете», 1844 г., № 15, с подписью: Александр Бухалов.

Письмо адресовано автору «Хроники петербургского жителя» Пружинину и напечатано с его примечаниями. О своем «старом товарище» Бухалове и его письме Пружинин упоминает и в «Хронике». С другой стороны, «Письмо ***ского помещика» связано с циклом рецензий Некрасова на «Воскресные посиделки», издававшиеся В. П. Бурнашевым «для доброго народа русского». Фельетон полемически направлен против письма-рецензии на 1-й выпуск «Воскресных посиделок», напечатанного в журнале «Эконом» (1844, т. 8, тетр. 165) от имени помещика «Тихвинянина». Некрасов заподозрил, что под маской помещика скрывается сам Бурнашев, рекламирующий свое издание, и придал к своему возражению также форму письма помещика.

В фельетон включено стихотворение «Крапива, драгоценная трава!» — пародия на стихотворение Бурнашева «Картофель, харч благословенный!». То же стихотворение Некрасов пародирует в дальнейших своих фельетонах («Устрицы! харч благословенный!», «Артишоки, вот харч благословенный!»).

Никем до сих пор не было указано на принадлежность Некрасову заметки «Крапива», напечатанной в «Литературной Газете» 1844 г., № 14 (отдел «Записки для хозяев»), за подписью: Н. Пуп—и н. Между тем, авторство Некрасова очевидно из тесной связи заметки с «Письмом ***ского помещика», напечатанным в следующем номере газеты.

В замечке иронически превозносятся полезные свойства крапивы, среди которых указывается и «некоторое употребление веток старой крапивы в интересных проделках домашней расправы у некоторых хозяев».

Приведем последний абзац:

«После этого, судите сами, полезна ли крапива! Как жаль, что я не поэт; а то для убеждения вашего сейчас же бы сложил стишки вроде тех, какими один почтенный человек защищал недавно картошку, начав свою «оду на картофель» истинно горацанским экзорцизмом: „Картофель! харч благословенный!“ и проч.». Это намерение и реализовано в упомянутом стихотворении «Крапива! драгоценная трава!» Ср. с приведенной выше цитатой его второе четверостишие:

Ты даже нрав порочный исправляешь
И к трезвости пьянчугу возвращаешь,
Когда на старости, колюча и жестка,
В руках десятского ты хлещешь мужика.

Из состава анонимной «Петербургской хроники» «Литературной Газеты» 1844 г. выделяется как бесспорно принадлежащий Некрасову цикл фельетонов, объединенных в годовом оглавлении газеты под заглавием: «Петербургские дачи и окрестности». Они напечатаны в №№ 17, 18 («Оговорка» по поводу предыдущего фельетона), 23, 27, 28, 30, 33.

Эти фельетоны, действительно, объединены «лачной» темой: описываются дачные окрестности Петербурга, причины выбора того или другого дачного места, средства сообщения, дачные развлечения и т. д. В цикл включен юмористический рассказ «Пе-

тербург и петербургские дачи» (Подпись: И в а н Б о р о д а в к и н. Перепечатан в кн.: Н. Н е к р а с о в. Соч., Л., 1937, 459—462).

Авторство Некрасова доказывается, прежде всего, связью с «Хроникой петербургского жителя». Из списка, данного выше, видно, что эта хроника печаталась с № 13 по № 19, за исключением №№ 15 и 17. В № 15 помещено «Письмо ***ского помещика», а в № 17 — начало «дачной» хроники, в которую вмонтирована и небольшая часть дневника Пружинина. Последний же номер дачной хроники включает ответ журналисту Межевичу, нападавшему на «Хронику петербургского жителя».

Описываются преимущественно дачные места, расположенные в районе летнего местопребывания Некрасова в 1844 г. (близ Лесного института).

В цикле находится упомянутая выше пародия на Бурнашева («Устрицы! харч благословенный!»), аналогичная другим пародиям Некрасова.

Наконец, существенный признак принадлежности цикла Некрасову — цитирование главки из «Говоруна» («Вот как описывает прошлогоднее чрезвычайное представление один петербургский старожил»).

Перейдем теперь к циклу фельетонов, связанных с именем «д о к т о р а П у ф а». Под этим псевдонимом В. Ф. Одовский, увлекавшийся в то время кулинарным искусством, вел в «Литературной Газете» 1844—1845 гг. (отдел «Записки для хозяев») кулинарно-хозяйственный фельетон «Кухня». Некрасов много делал для того, чтобы привлечь внимание читателей к этому фельетону. Восхваление рецептов доктора Пуфа — одна из частых тем фельетонов Некрасова. Большое место отведено доктору Пуфу в «Хронике петербургского жителя», где рассказано, к каким замечательным кулинарным успехам, благодаря советам Пуфа, пришла жена повествователя.

Некрасов старался придать образу «доктора Пуфа» реальность и интерес и несколько фельетонов написал в форме писем к доктору Пуфу. Из них особенно интересен фельетон «Н е ч т о о д у п е л я х, о д о к т о р е П у ф е и о п с о в о й о х о т е», напечатанный в «Литературной Газете», 1844 г., № 34, без подписи⁹.

Фельетон начинается с просьбы к доктору Пуфу описать приготовление дупелей, которых так много водится под Петербургом. Коснувшись (несомненно, по свежим впечатлениям) охоты на дупелей и бекасов под Петербургом, Некрасов переходит к описанию псовой охоты в центральных губерниях и к характеристике псового охотника. Здесь, как правильно указывает К. И. Чуковский, «намечены основные черты позднейшей сатиры Некрасова „Псовая охота“»¹⁰.

Принадлежность фельетона Некрасову подтверждается введением куплетов из водевиля Некрасова «Ростовщик», появившегося на сцене значительно позднее (1 июня 1845 г.). В следующем номере газеты появилась лекция доктора Пуфа «О бекасах вообще».

Так же «подготавливает» Некрасов лекцию доктора Пуфа об артишоках. Она появилась в № 39 «Литературной Газеты» за 1844 г., а в предыдущем (38-м) номере напечатан фельетон «О лекциях доктора Пуфа вообще и об артишоках в особенности», с подписью: А ф а н а с и й П о х о м е н к о. Фельетон написан от имени провинциального помещика, который, указывая, что «пора артишоков проходит», просит доктора Пуфа посвятить лекцию их приготовлению. Принадлежность фельетона Некрасову подтверждается включением пародии «Артишоки, вот харч благословенный!», аналогичной другим пародиям Некрасова на Бурнашева (см. выше).

В следующем году Некрасов напечатал аналогичный фельетон «П и с ь м о к д о к т о р у П у ф у» («Лит. Газета», 1845, № 6, отдел «Записки для хозяев». Подпись: Т а к о й - т о). Большую часть его составляет стихотворный панегирик доктору Пуфу — опять-таки от имени провинциального помещика¹¹. Здесь рассказывается о «сви-репом помещике», который «стал и добр и весел» с тех пор как «неоднократно битый повар» начал кормить его по рецептам доктора Пуфа. Стихотворение кончается следующим приветствием Пуфу:

Трудись, трудись, не уставая!
Будь вечно счастлив, здрав и свеж,
И, есть Россию научая,
Сам на земле не даром ешь!

Фельетон этот тесно связан с издательскими предприятиями и планами Некрасова. Приведем отрывок, уясняющий его цели и намерения:

«С удовольствием усмотрели мы из объявлений при „Литературной Газете“, что скоро должна выйти в свет книга под названием „Физиология Петербурга“, в которой обещают нас познакомить с тем, как в Петербурге живут и бедные и богатые, чем занимаются, как наживаются, как проматываются, как веселятся, что любят, чего не любят. „Хорошо! хорошо! — думаем мы, — книга полезная: можно будет все-чем и позаимствоваться нам, провинциалам“; да вдруг и приди мне в голову: „а как в Петербурге едят?“ Неужели, милостивый государь, там не будет статьи о том, как едят в Петербурге, именно вашей статьи, потому что, кроме вас, во всем свете я не знаю человека, который мог бы написать такую статью?.. Да тогда куда же будет годиться „Физиология“, на которую мы так надеемся?.. Нет, что вы там себе ни пишете, господа составители „Физиологии“, а если вы не покажете нам, что и как в Петербурге есть и что пить, мы не узнаем Петербурга, и ваша книга будет все равно, что человек без желудка!.. Просите же, просите доктора Пуфа, чтобы он сжалглся над вами и над вашей книгой!..»

Как видим, Некрасов стремится достичь сразу двух целей: рекламировать свое издание — первую часть «Физиологии Петербурга», которая должна была появиться в ближайшее время¹², и привлечь В. Ф. Одоевского к сотрудничеству в предлагавшемся продолжении «Физиологии Петербурга» — очевидно, в третьей части, так как вторая к тому времени уже была составлена и процензурована.

За «Письмом к доктору Пуфу» в газете непосредственно следует «О т в е т д о к т о р а П у ф а г. Т а к о м у - т о .»

Этот фельетон направлен против ультрареакционного журнала «Маяк». Пародируются выпады «Маяка» против «пытливости гордого разума» и «суемудрия», которым противопоставляется доморощенная философия «Феклыстыча». Хотя обычно (в 1845 г., повидимому, уже далеко не всегда) под псевдонимом доктора Пуфа писал В. Ф. Одоевский, в данном случае его авторство исключается сделанным в фельетоне сопоставлением имен, пародирующим сопоставления в критике «Маяка». Одоевский вместе с Пушкиным и Державиным стоит здесь рядом с никому не известными поэтами «Маяка». Отметим, что тема фельетона не кулинарная; Одоевский же писал об интересующем его кулинарном искусстве, но отнюдь не занимался мелкой журнальной полемикой, не нуждаясь в «литературной поденщине».

По связи с предыдущим письмом более чем вероятно, что и это письмо написано Некрасовым.

С работой над «Физиологией Петербурга» связан, очевидно, и большой — двогодний фельетон: «В ы д е р ж к а и з з а п и с о к с т а р о г о т е а т р а л а (М а т е р и а л ы д л я ф и з и о л о г и и А л е к с а н д р и н с к о г о т е а т р а)», напечатанный в «Литературной Газете» 1845 г., № 1 (отдел «Дагерротип»), с подписью: Н и к - Н е к ¹³.

В фельетоне характеризуются типы и вкусы посетителей Александринского театра. Принадлежность Некрасову доказывается как подписью, представляющей первые слоги его имени и фамилии, так и частичным совпадением куплетов, введенных в фельетон, с куплетами из повести Некрасова «Похождения русского Жиль-Блаза». И там и тут находим строфу:

Я угождать старался ей,
Любил так страстно, так глубоко...
И даже пред свиданьем с ней
Читал романы Поль де Кока!

В повести разночтение во 2-м стихе: «Утех я доставлял ей много».

Вероятно, фельетон был написан для 2-й части «Физиологии Петербурга», но так как на ту же тему дал очерк Белинский («Александринский театр»), — Некрасов напечатал свой очерк в «Литературной Газете»¹⁴.

С «Физиологией Петербурга» связан, по нашему мнению, еще один — более ранний фельетон: «Ч е р т ы и з х а р а к т е р и с т и к и п е т е р б у р г с к о г о н а -»

рода населения», напечатанный в «Литературной Газете» 1844 г., №№ 31 и 32, без подписи.

Принадлежность фельетона Некрасову, никем доселе не указанная, явствует из характерного, отмечавшегося выше признака: включена главка из «Говоруна» («Вот несколько черт, набросанных в прошлом году одним петербургским старожилом, г. Белоляткиным»).

В фельетоне даны характеристики петербургского чиновника, кушца, петербургского немца, петербургского «простонародья». Описаны пристрастия петербуржцев в отношении еды, квартир, одежды, развлечений. Очерк заканчивается перечислением типов, «которые так и просятся на бумагу».

Вероятно, Некрасов намеревался предпослать этот очерк очеркам отдельных петербургских типов в качестве общего введения. Можно думать, что это введение, не столько общее, сколько предвосхищавшее изображение отдельных слоев петербургского населения, было признано излишним для «Физиологии Петербурга» и попало в «Литературную Газету»¹⁵. Возможно также, что очерк оказался неудовлетворительным из-за слишком обильной цитации из «Панорамы Петербурга» Башуцкого.

Мы исчерпаем известные нам некрасовские фельетоны 1844 г., указав еще на миниатюру «**Преферанс и солнце**» (драма, разыгрывавшаяся на-днях в сердце одного чиновника почтенной наружности, — в одном действии, с куплетами), напечатанную в «Литературной Газете», 1844 г., № 47, без подписи¹⁶. Принадлежность Некрасову подтверждается включением стихотворения «И скучно, и грустно, и некого в карты надуть» (пародия на лермонтовское «И скучно, и грустно, и некому руку подать»), перепечатанного Некрасовым в сборнике «Первое апреля».

ОБЛОЖКА КОМИЧЕСКОГО АЛЬМАНАХА «ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ», ИЗДАННОГО НЕКРАСОВЫМ, 1846 г.

Перейдем к «Дагерротипу» 1845 г., в котором, как сказано выше, мы имеем основания ждать большого количества произведений Некрасова. Начав «Дагерротип» «Выдержками из записок старого театрала», Некрасов в следующих трех номерах поместил цикл фельетонов: «О т ч е т ы п о п о в о д у Н о в о г о г о д а». Часть I. Литература и журналистика. Часть II. Театры и публика. Часть III и последняя. Петербургские увеселения. — «Литературная Газета», 1845, №№ 2 (с подписью Некрасов), 3 (без подписи) и 4 (без подписи).

Заглавия частей шире их содержания: первая часть — это преимущественно издательства над «Сыном Отечества», недодающим половины номеров, и нелепым «Листком для светских людей»; вторая часть описывает гастроли итальянской оперы в Петербурге и увлечение ею петербуржцев, третья часть — повальное увлечение новым танцем — полькой. Второй и третий фельетоны написаны в «физиологическом» стиле.

Авторство Некрасова доказывается подписью Н и к - Н е к под первым фельетоном и включением стихотворения: «Стишки! стихки! давно ль и я был гений?», перепечатанного Некрасовым в измененном виде в собрании стихотворений 1864 г.

С первого же номера «Дагерротипа» в нем появился отдел курьезных документов — писем, надписей, афиш и т. д. Составителем этого отдела мы имеем все основания считать Некрасова.

Центральный цикл этого отдела — «Д о с т о п р и м е ч а т е л ь н ы е п и с ь м а», напечатанные в «Литературной Газете» 1845 г., №№ 1 и 8 и в изданном Некрасовым комическом альманахе «Первое апреля» (СПб., 1846), без подписи. В этот цикл вошли письма чиновника, писаря, купца, ряд любовных писем и т. д. Принадлежность цикла Некрасову, помимо того, что он печатался в двух изданиях, составлявшихся Некрасовым, доказывается тесной связью третьего письма («Письмо от купца к купцу») со сценой «За стеной» из повести Некрасова «Тонкий человек» и отрывком «Повесть о Суркове». В сцене «За стеной» почти все письмо текстуально вложено в уста «гостя», прерываемого лишь короткими репликами «хозяина»; в «Повести о Суркове», которая обрывается на словах, текстуально совпадающих с началом письма, — последнее, возможно, должно было фигурировать как документ, — на это как будто указывают слова в начале отрывка: «...я старался присматриваться к мельчайшим подробностям и даже приобрел покушку драгоценный документ, за который, я уверен, не один из наших правоописателей дал бы мне порядочную сумму»¹⁷.

Более чем вероятно, что и прочие произведения того же жанра, анонимно печатавшиеся в отделе «Дагерротип» «Литературной Газеты» в начале 1845 г., принадлежат Некрасову, основному автору «Дагерротипа». Таковы «О с т р о у м н ы е н а д п и с ь и» (№ 1), «П р о в и н ц и а л ь н ы е а ф и ш и» (№ 2), «Р о м а н в п и с ь м а х» (№ 4), близкий по стилю первому «Достопримечательному письму».

Ряд анонимных юмористических миниатюр находим в альманахе «Первое апреля» (СПб., 1846). Весьма возможно, что все они написаны Некрасовым. Остановимся лишь на несомненных.

Приведенный выше список называет лишь одну вещь из «Первого апреля» «П о щ е ч и н а». Это — стихотворение «Пощечина людей позорит» (Н. Некрасов, Полн. собр. стих. М.—Л., 1934, I, 440—441) с прозаическим вступлением и заключением. Поскольку стихотворение взято из непечатанного в то время водевиля Некрасова «Петербургский ростовщик», авторство Некрасова несомненно.

Между тем в сб. «Первое апреля» есть еще одна миниатюра, столь же бесспорно принадлежащая Некрасову, но никем доселе ему не приписанная: «П у ш к и н и я щ е р и д ы». Авторство Некрасова бесспорно доказывается письмом Ф. М. Достоевского брату, М. М. Достоевскому, от 8 октября 1845 г. Сообщая о готовящемся альманахе «Зубоскал» (впоследствии запрещенном цензурой), Достоевский пишет:

«Главными его редакторами будем я, Григорович и Некрасов. Статьи для 1-го номера будут Некрасова: о н е к о т о р ы х (разумеется, на днях случившихся) Петербургских подлостях. Будущий роман Евг. Сю: Семь смертных грехов (на трех страничках весь роман). Обзорение всех журналов. Лекция Ш е в ы р е в а о том, как гармоничен стих Пушкина, до того, что когда он был в К о л ы з е е и про-

чел двум дамам с ним бывшим несколько стансов Пушкина, то все лягушки и ящерицы, бывшие в Колизее, сползлись его слушать (Шевырев читал это в Московском университете). Потом последнее заседание славянофилов, где торжественно докажется, что Адам был славянин и жил в России... Григорович напишет Историю недели и поместит несколько своих наблюдений. Я буду писать: Записки лакея о своем барине и т. д.» (Ф. Достоевский, Письма, М.—Л., 1928, I, 81).

В сб. «Первое апреля» нет остальных произведений, намечавшихся для «Зубоскала», но, поскольку Достоевский указал, что Некрасов намеревался, кроме анекдота о Шевыреве, написать еще какие-то юмористические заметки о славянофилах, мы с большой долей достоверности можем приписать ему заметки «Как один господин приобрел себе за бесценок дом в полтора ста тысяч» (о Погодине) и «Славянофил».

Ниже печатается несколько произведений, принадлежность которых Некрасову впервые установлена в настоящей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. Дернова. Библиография и хронология сочинений Н. А. Некрасова. — «Некрасовский сборник. Незданные письма и воспоминания, статьи, библиография». Под редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Никсанова. П., 1918, 207. Названы фельетоны: «Выдержки из записок старого театрала» («Лит. Газета», 1845, № 1, 10—12) и «Отчеты по поводу Нового года» («Лит. Газета», 1845, № 2, 30—31, № 3, 43 и № 4, 69).

² В одном из автобиографических набросков Некрасова читаем: «Господи сколько я работал. Уму непостижимо сколько я работал, полагаю не преувеличу, если скажу, что в несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы; принялся за нее почти с первых дней прибытия в Петербург. В „Инвалиде“, в литературных прибавлениях к „Инвалиду“, в „Литературной Газете“, в „Пантеоне“ и т. д.» («Литературное Наследство», т. 49—50, 149). О том же в автобиографии Некрасова, записанной в 1872 г. для М. И. Семевского: «Я как-то недавно расчел, что мною исписано всего журнальной работы до 300 печатных листов» («Литературное Наследство», т. 49—50, 164). Львиная доля этой продукции падает на «поденщину» 40-х годов, вспоминая о которой Некрасов и указывает эти цифры.

³ «Литературное Наследство», т. 49—50, 164.

⁴ Письмо в редакцию «Отечественных Записок». — «О. З.», 1846, XLIV, отд. III, 128.

⁵ Этим указанием я обязан покойному А. Я. Максимовичу.

⁶ Н. Некрасов. Полн. собр. соч., М.—Л., 1934, I, 623.

⁷ Там же, 493.

⁸ В аналогичную ошибку впадают и другие исследователи Некрасова. Так, Д. Гершенон, в статье «Некрасов-критик» («Творчество Некрасова». Сб. статей, под ред. проф. А. М. Еголина, М., 1939), уделяет особое внимание статье «О партиях в литературе», называя ее «программой политических и литературных взглядов Некрасова». Автор никак не аргументирует принадлежность этой анонимной статьи Некрасову, видимо, считая самое помещение ее в «Лит. Газете» 1845 г. несомненным признаком этой принадлежности. Между тем, статья эта напечатана в № 17, т. е. тогда, когда Некрасов, по его собственному утверждению, сомневаться в котором у нас нет оснований, уже не печатался в «Лит. Газете».

⁹ Перепечатано в кн.: Н. Некрасов. Соч., Л., 1937, 462—465.

¹⁰ Н. Некрасов. Полн. собр. соч., М.—Л., 1934, I, 608.

¹¹ Там же, 489—491.

¹² Последнее ценз. разр. этой части — 11 февраля 1845 г., номер же «Лит. Газеты», в котором помещен фельетон, вышел 8 февраля 1845 г.

¹³ Перепечатан в кн.: Н. Некрасов. Соч., цит. изд., 468—472.

¹⁴ Ценз. разр. 2-й части «Физиологии Петербурга» — 4 января 1845 г., дата выхода газеты — 2 января 1845 г.

¹⁵ Очерк напечатан в номерах от 10 и 17 августа 1844 г. Первое ценз. разр. 1-й части «Физиологии Петербурга» — 2 ноября 1844 г.

¹⁶ Перепечатано в кн.: Н. Некрасов. Соч., цит. изд., 465—468.

¹⁷ Н. Некрасов. Тонкий человек и другие неизданные произведения. Собрал и пояснил Корней Чуковский. М., 1928, 57—61 и 180.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФЕЛЬЕТОНЫ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ НЕКРАСОВА

⟨1⟩

ЧЕРТЫ ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕТЕРБУРГСКОГО НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

⟨ С Т А Т Ь Я П Е Р В А Я ⟩

«Нравы столицы нашей, — говорит один из петербургских нравоописателей, — при беглом поверхностном взгляде на оные, представляют общие черты сродства с нравами многочисленного семейства европейских столиц». В этом, конечно, нет сомнения. С первого взгляда Петербург не поражает наблюдателя никакою особенностью, никакою оригинальною, чисто русскою чертою, которой нигде, кроме Петербурга, нельзя было бы встретить. Поэтому многие иностранные описатели Петербурга, изучившие его в течение десятидневного пребывания, называют Петербург городом совершенно не русским по нравам, по привычкам и быту. Но подобисе заключение, как и все заключения, выведенные без надлежащего познания фактов, более чем неосновательно. Так, если вы будете судить о русских нравах и русской жизни по внешним признакам — покрою платья, убранству комнат, форме экипажа и привычкам общежития, перенятым в известном кругу у иностранцев, — вы ничего не найдете в петербургском народонаселении оригинального, характеристического, ему одному свойственного; но взглядитесь в физиономию Петербурга попристальнее, уловите на ней всю разнообразную игру света и теней, все бесчисленные, ускользающие движения, поймите все выражения ежеминутно меняющиеся, — и вы поймете, что нигде, быть может, не заключается столько оригинальных оттенков, столько особенностей, как в разнородной массе представителей Петербурга — его разнокалиберных, разноязычных жителей.

Г. Башуцкий, в своей «Панораме Петербурга», три части которой изданы им лет десять назад¹, разделяет петербургских жителей на пять отличительных разрядов. К п е р в о м у относит он так называемый «высший круг», или «большой свет»; ко в т о р о м у — многочисленный разряд людей среднего и даже ограниченного (?) состояния, служащих или неслужащих, ученых, художников, некоторых иностранцев и образованных русских купцов, словом то, что называют «публикою». Т р е т и й — есть наши *tiers-état*, — амальгама людей различного состояния, смешивающихся гораздо больше понятиями, образом жизни, занятий и узами родства и дружбы, нежели нравами. Ч е т в е р т ы й и некоторым образом единственно Петербургу принадлежащий разряд есть разряд иностранцев всякого состояния, наиболее промышленников, мастеров, ремесленников и пр. Они мешаются с третьим разрядом и во многом с ним сходствуют; не менее того сохраняют, однако же, в быту своем черты чрезвычайно оригинальные. К п я т о м у разряду г. Башуцкий относит смесь людей всякого звания: все то, что называется н а р о д о м или ч е р н ь ю.

Это деление довольно верно; но можно допустить и другое, менее захватывающее отдельных частных, зато полнее характеризующее сплошную массу петербургского народонаселения. Мы, не вдаваясь в подробности, разделили бы жителей Петербурга на четыре разряда — на ч и н о в н и к о в, о ф и ц е р о в, к у п ц о в и так называемых п е т е р б у р г с к и х н е м ц е в. Кто не согласится, что эти четыре разряда жителей нашей столицы суть настоящие, главнейшие представители Петербурга, с изучения которых должно начинаться ближайшее физиологическое знакомство с Петербургом? В каждом из них выражается какая-нибудь сторона петербургской жизни, и слияние резких противоположностей и

даже мельчайших оттенков, которыми разнится один разряд от другого, составляет физиономию Петербурга. Чтоб изучить эту физиономию, нужно изучить черты ее составляющие, отдельно познакомиться с каждым представителем петербургского народонаселения.

Начнем с «петербургского немца». Недавно умный и наблюдательный петербургский водевилист, г. Каратыгин, написал очень верный и забавный очерк этого любопытного типа, и публика, посещающая наш русский театр, от души смеялась над почтенным булочным мастером Иваном Ивановичем Клейстером, над его расчетливостию и осторожностью, филистерскою важностию и «русским языком на немецкий лад»². И теперь мы все

ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ С ВИДОМ ОТ НЕГО НА НЕВУ

Иллюстрация из «Панорамы Санктпетербурга» А. А. Башуцкого, 1834 г.

Гравюра Гобера с рисунка Горностаева

остримся над петербургскими немцами, подмечаем их особенности, говорим ради шутки, их оригинальным языком, а до тех пор многие из нас даже и не подозревали, что едва ли не целая треть петербургского народонаселения состоит из таких Иванов Ивановичей. Особенное внимание обратил на себя язык Ивана Ивановича, схваченный живо и верно. Все немцы, которые обжились в Петербурге и захотели во что бы то ни стало быть «русскими», говорят языком Ивана Ивановича Клейстера. Язык этот не есть исковерканный немецким произношением русский язык; но именно, как мы выразились, — «русский язык на немецкий манер». Немец, говорящий им, произносит слова чрезвычайно чисто и выразительно; но расстановка слов, ударения, употребление падежей — вот где камень преткновения для всякого, не родившегося в России, особенно для немца, который, как бы ни усиливался, никогда не победит своей немецкой природы, и во всем, от особенного выражения в лице до самых пустых мелочей, — всегда останется немцем. Но в Петербурге много и таких немцев, которые

вовсе не стараются подражать почтенному Ивану Ивановичу Клейстеру и нисколько не заботятся об изучении русского языка, так что, прожив в Петербурге более тридцати лет, уезжают обратно, не зная ни одного русского слова. Это странное явление принадлежит к особенностям Петербурга. Везде почти иностранец должен знать сколько-нибудь язык страны, в которой живет; таким образом, бывает, что иностранцы в других столицах мало-по-малу сливаются с массою природных жителей и теряют свою оригинальность под господствующим цветом общего характера. В Петербурге — решительно наоборот. Немец может прожить в Петербурге тридцать лет и отправиться на немецкое кладбище или обратно в Германию, не узнав ни одного русского слова. Каким образом? спросите вы. Вот что говорит г. Башуцкий: «Петербург, с самого рождения своего, есть местожительство иностранцев, из числа коих девять десятых приезжают для того, чтоб приобретать, а не для того, чтоб издерживать. Они находят единоплеменников и живут наиболее у них, с ними, как бы у себя, вовсе не замечая перемен ни в нравах, ни даже в привычках и обрядах домашнего быта. Немец останавливается у немца, француз — у француза. Он знакомится с городом и жителями его, принимая основными те понятия, которые передаются ему хозяином, поселившимся в Петербурге точно таким же образом. Он ходит в с в о е й церкви, читает газеты на с в о е м языке; обедает в трактирах, содержимых единоплеменниками; слышит родное наречие в театре, в домах, на улицах, в торговых заведениях; везде, всегда, беспрестанно оно поражает его слух. Все его понимают; ему здесь нравится, ибо он не чувствует тех мелочных, но важных затруднений, которые повсюду более или менее связаны с званием иностранца. Он хочет пожить в Петербурге, избирает занятие, неважный торг, коммиссионерство, какую-либо частную должность. Русские помогают ему как заезжему сироте, соотечественники — как родному, и скоро иностранец имеет множество покровителей. Будем следить его далее; дела идут успешно; при покровительстве, кто и где, а тем более в столице, не поддерживает себя, чем может? один своею скромностию, честностию и аккуратностию, другою вертлявостию, болтаньем и нередко своею дерзостию; третий настойчивою оригинальностию нрава и т. д. Предположите, что приезжий наш немец и ремесленник; он записывается в с в о й немецкий цех; имеет старшинами немцев, берет в ученье мальчиков-немцев; покупает товар у немцев; работает и продает большею частию немцам. Прошло десять, пятнадцать лет, — он мастер или содержатель заведения, или учитель школы, или управитель дома, или фабрикант, или... что вам угодно; но подведомственные ему люди большею частию немцы; он женат на немке; детей его принимала немка; они воспитываются в его законе, лепечут его языком и ходят в немецкие школы. Друзья и привычные посетители его дома — немцы; он редко коротко знаком, и тем реже связан дружеством, с французом или русским; в его семействе немцы от жены до гезеля и от гезеля до кухарки. У него все по-немецки и все немецкое; он преимущественно у немца покупает даже хлеб, картофель, масло и молоко; немец шьет ему сапоги и платье. Он прожил еще пять, шесть, десять лет таким образом, в совершенном и ненарушимом спокойствии; он к о е - ч т о п о н и м а е т по-русски, но не умел выучиться говорить; ему это было не нужно; он не имел даже надобности заметить, что жил в России! Понятие же его о русских, по крайнему его разумению составленное, выведено им из итогов его счетных книг или основано на причудах людей, с которыми он имел дело. Когда ударит его последний час, немец же принесет чистенький гроб, сделанный для своего соотечественника; родные и знакомые немцы соберутся и набожно проводят тело его на немецкое кладбище!». Эти немногие строки очень верно характеризуют петербургских немцев и вообще петербургских иностранцев, которые, как дополняет г. Башуцкий, «недоверчивы, скрытны, но терпеливы и неутомимо

искательны и гибчивы; оставляя в стороне всякую гордость, они привязываются ко всем возможным средствам, чтобы достигнуть желанной цели». Если указать еще на немецкую аккуратность и на расчетливость немцев и в особенности их жен, которые умеют сделать из каждой копейки грош, то представленный нами очерк петербургского немца будет довольно полон. Домашняя жизнь наших немцев тиха, довольно трезва (немецкий ремесленник позволяет себе быть пьяным только раз в неделю — в воскресный день), и главное качество ее состоит в умении наслаждаться множеством тех мелочей, в которых русский человек не видит никакого наслаждения. Кроме обычая напиваться по воскресеньям, они услаждают еще себя в летнее время прогулками по Крестовскому и другим островам; охотники курить сигары; пьют за обедом, не роскошным, но опрятно приготовленным самою хозяйкою, пиво, после обеда пунш, и все без исключения чрезвычайно любят кофе — страсть, перешедшая от них и к русским — даже беднейшего класса... В короткое время они (не русские беднейшего класса, а немцы) приобретают изрядное состояние и даже нередко наживают по несколько огромных домов в лучших частях города...

Едва ли не первое место в массе петербургского народонаселения, по количеству, занимают «чиновники»... Но где взять кисть и краски, чтоб изобразить характеристику петербургского чиновника с подобающею отчетливостью? Некоторые из петербургских живописателей пытались обрисовать этот тип, но попытки их слабы и бледны, иногда даже вовсе неверны. Того и должно было ожидать — предмет слишком труден и многосложен. Разве только Гоголь мог бы уловить общую физиономию петербургского «чиновничающего класса», потому что только он один понимает дух петербургского чиновничества и хорошо знает явления этого отдельного, бесконечно разнообразного мира, — от скромного, приземистого Акакия Акакиевича до «значительного лица» (действующего в повести «Шинель»), которое так мастерски умело распечь и которому в обществе, где находились люди ниже его чином, всегда было как-то неловко... Некоторые особенно резкие черты мы постараемся раскрыть далее, при взгляде на характер петербургского народонаселения вообще; остальных — едва заметных, неуловимых, но дающих характер физиономии, отчетливо и подробно обозначать не беремся. Труд слишком тяжелый, требующий сильно проницательной наблюдательности... Что делать! Удовольствуйтесь пока тем, что есть!.. Вот несколько черт, набросанных в прошлом году одним петербургским старожилом, г. Белоляткиным:

..... Ранехонько
 Пробудисься, зевнешь,
 На цыпочках тихохонько
 Из спальни улизнешь,
 Пока еще провзительно
 Жена себе храпит, —
 Побреешься рачительно,
 Приличный примешь вид,
 Смирив свою амбицию,
 За леностью слуги,
 Почистишь аммуницию
 И даже сапоги.
 Жилетку и так далее
 Наденешь, застегнешь,
 Прицепишь все регалии,
 Стакан чайку хлебнешь,
 Дела, какие б ни были,
 Захватишь, и как мышь,
 Согнувшись в три погибели,

На службу побежишь.
 Начальнику почтение,
 Товарищам поклон,
 И в миг за отношение,
 Ничем не развлечен.
 Молчания степенного
 День целый не прервешь,
 Лишь разве подчиненного
 Прилично распечешь,
 Да разве снисходительно
 Подшутит генерал,
 Тогда мы все решительно
 Хохочем наповал.
 Уж так издавна водится,
 Да так и должно быть:
 Нам, право, не приходится
 Пред старшими мудрить...³

Но пока довольно. Докончим наш обзор других классов петербургского народонаселения в следующем номере.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Сословие петербургского купечества делится на два разряда — на русских купцов и купцов иностранных. Русских купеческих домов (в обширном значении слова), как всякому известно, в Петербурге весьма немного. Торговые операции для заграничного торга находятся преимущественно в руках купцов иностранных. Оттого, и еще от некоторых других причин, о которых упомянем ниже, собственно русское купечество находится в Петербурге как бы в тени, и представителем петербургского купечества скорее может быть назван купец иностранный, живущий в Петербурге, чем русский. Иностранные купцы, к чести их, могли бы служить примером в образе жизни весьма многим; жизнь их, сжатая в известном круге, в который вступить не всякому легко, приятна, разнообразна, чужда скуки и принужденности, чему не мало способствует равенство состояния, сходство в образовании, вкусах, быте и занятиях. Большая часть их имеет в Петербурге собственные дома, преимущественно на Васильевском Острове или на Английской набережной. Как сами они, так и жены их, образованы и общежительны. Все это, в совокупности с влиянием на торговлю, весьма значительным, немало способствовало к упрочению доверия и всеобщего уважения, которыми они пользуются в Петербурге.— «Купечество русское, — говорит г. Башудкий, у которого мы заимствуем некоторые из предлагаемых сведений, — по образу жизни, занятий, привычным сношениям с людьми своего состояния, частью же по старинным предрассудкам, мало смешиваются с прочими сословиями». С некоторого времени в этом сословии, к сожалению, вкралось нечто вроде пренебрежения к своему званию, в чем легко убедиться, взяв в соображение господствующую в нашем купечестве страсть выводить сыновей своих «в дворяне» и выдавать дочерей за людей чиновных, предпочтительно пред людьми купеческого звания. Эта страсть, по справедливости осмеиваемая нашими «сатирическими сочинителями», хотя и недостаточно остроумно, есть главная причина, что у нас мало купеческих домов, которых существование было бы так продолжительно, как, например, во Франции, Голландии, Англии, где купеческие дома существуют по несколько сот лет. Часто весьма значительный капиталист, умирая, не оставляет по себе в торговле никакого следа: капитал переходит в руки «именитых» или «чиновных» наследников, которые распоряжаются им по своему усмотрению, никаким

другим образом не способствуя движению торговли, кроме того, которое называется «мотовством». Зато в Петербурге (и вообще в России) несравненно более, чем где бы то ни было, купцов-капиталистов, возникающих нежданно-негаданно из людей беднейшего и, большею частью, низкого класса. Как это делается, объяснить не будем, но только такие явления у нас очень нередки. Без сведений, без образованности, часто даже без познания начальной грамоты и счисления, приходит иной русский мужичок, в лаптях, с котомкою за плечами, заключающею в себе несколько рубах да три медные гривны, оставшиеся от дорожных расходов, — в «Питер» попытаться счастья. В течение многих лет исправляет он самые тяжелые, черные работы, бегает на посылках у первого встречного, за все берется,

КАМЕННЫЙ (БОЛЬШОЙ) ТЕАТР

Иллюстрация из «Панорамы Санктпетербурга» А. А. Башуцкого, 1834 г.

Гравюра неизвестного художника

езде услуживает, замечает, соображает, смекает, и — глядишь — через двадцать-тридцать лет делается первостатейным купцом, заводит фабрики, ворочает миллионами, поит и кормит тех, перед которыми во время оно сжимался в ничто, и запанибрата рассуждает с ними о том, как двадцать лет назад босиком бегал по морозцу и ел черствый сухарь... Конечно, такие явления бывают и в других землях, но в России они возможнее, потому и повторяются, как мы уже сказали, довольно часто. «Почему возможнее?» — спросите вы. «Потому, — говорит г. Башуцкий, — что русские одарены чрезвычайными способностями: им даны вполне сообразительность и расчетливость, которые необходимы торговцу; они постоянны в действиях, упорны в достижении предназначенной цели и богаты умением жить малым и пользоваться счастливым стечением обстоятельств». В домашней жизни большая часть русских петербургских купцов придерживается обычаев, издавна господствующих во всем русском купечестве; но иногда поражают вас противоположности, упорная, явная борьба ста-

рого с новым, которую глаз ваш подмечает на каждом шагу. Нередко отец семейства носит окладистую бороду и длинный кафтан, а сыновья одевают себя всеми причудами моды, и если носят бороду, то подстригают ее наподобие модников, изображаемых на картинках парижских журналов, угождая таким образом и привычкам отца и требованиям самой отчаянной моды; мать ходит в чем-то вроде повойника, а дочери в шляпках и платьях, сшитых по последней моде. В русских купеческих домах строго соблюдаются все семейные праздники — именины, день рождения, день брака, и если купец живет открыто, то не жалеет в подобных случаях денег на роскошный пир, с музыкой, танцами и другими немецкими затеями. Русские купеческие обеды поражают необыкновенным обилием дорогих яств и напитков, но доктор Пуф вообще недоволен ими. Впрочем, со времени появления лекций этого ученого в русском обедающем обществе появляются признаки «очищенного вкуса» (термин, вмещающий в себе, по новейшему истолкованию, чистоту, изящество, экономию и тонкое чувство гармонической соразмерности во всем, касающемся обеда)⁴. Будем надеяться, что эти драгоценные качества не обойдут и русского купечества. — Что касается до степени образованности, на которой находится нынешнее петербургское купечество, — утешительнее всего в этом отношении то, что русские купцы с некоторого времени начали посылать детей своих за границу, особенно в Лондон, где в богатых купеческих конторах привыкают они к порядку, аккуратности и другим коммерческим добродетелям. В Петербурге есть уже немало купцов русских, умеющих говорить по-английски и по-французски...

Теперь нам остается взглянуть еще на низший класс петербургского народонаселения. Некто заметил, что в Петербурге «много народа и нет народа». При первом взгляде это замечание покажется не более, как шуткою, но при внимательнейшем соображении в нем открывается верная мысль. Что такое зовут народом в столице? Низший разряд народонаселения, часто превосходящий количественно все остальные. Но в Петербурге постоянных коренных жителей низшего сословия чрезвычайно мало, хотя простого народа много во всякое время. И вот здесь-то скрывается смысл приведенного выше замечания. Большая часть простонародья проживает в Петербурге временно; коренные жители многих внутренних русских губерний приходят сюда на несколько месяцев ежегодно и возвращаются, по обыкновению, на зиму во-свояси; нетрудно отгадать причины, влекущие их в столицу: в столице больше потребности в рабочих и мастеровых, чем в провинции, больше средств добывать деньги ремеслом, торговлею, топором, службою в частных домах и т. п. За этим разрядом следует другой, к которому принадлежат люди низкого состояния, не оставляющие Петербурга по несколько лет, но не принадлежащие исключительно Петербургу, ибо они проживают в столице без семейств, по срочным паспортам. К третьему и последнему разряду низшего сословия, населяющего Петербург, должно отнести полчище дворовых людей, небольшое количество проживающих постоянно в Петербурге мещан и еще меньше разночинцев.

Простой русский народ и в Петербурге и во всей России, как известно, чрезвычайно работящ, отличается бесстрашием при производстве самых опасных работ, любят есть огурцы, лук, морковь, репу, хлеб с квасом и солью и чрезвычайно неразборчив в выборе своего помещения. «Насчет жилища, — говорит г. Башуцкий, — низший разряд народонаселения еще менее взыскателен, нежели в отношении к пище. Осмотрев помещения, занимаемые тысячами этих людей в Петербурге, трудно представить себе, чтобы так мог жить кто-либо. Теснота, сырость, мрак, спертый воздух, нечистота, превосходят во многих из подобных жилищ всякое вероятие. Люди, приходящие в столицу для промыслов и работы, за чрезвычайно

дешевую цену помещаются в городе многочисленными артелями в подвалах домов, в погребах, конурах, в сараях; другие живут в окрестных деревеньках, и всякий день являюся в город; многие проводят все время на барках, в лодках или не живут постоянно нигде, но остаются ночевать то на самом месте работ, то заходят к товарищам, чаще же платят несколько грошей за ночлег в погребе или подвале какого-нибудь дома» («Панорама Петербурга», часть III, 29). Впрочем, не мешает напомнить, что все это писано слишком десять лет назад. Мы, к сожалению, весьма мало знаем нравы низшего петербургского народонаселения и потому в дальнейшем очертании их принуждены прибегнуть к тому же источнику. Говоря о петербургском простонародьи, г. Башуцкий уверяет, что нет народа, который бы был столько доволен своим состоянием, — который бы с такою непритворною радостью участвовал в празднествах, — в самом низшем классе которого можно было бы найти столько богатых, — который бы с такою охотою и с таким непреодолимым стремлением предавался торгам и промыслам. В заключение приведем то, что говорит г. Башуцкий о главном упреке, делаемом нашему простому народу: «Простому народу упрекают не без основания страсть к пьянству, но и в те дни, когда совершаются обильнейшие возлияния на алтарь бога вина, вы не заметите в обожателях его буйства, дерзости или жестокосердия. „Что у трезвого на сердце, то у пьяного на языке“, — говорит справедливая пословица русская; взгляните же на пьяного мужика: он весел, шумлив, но добр; он не только не обидит никого, но и извиняется перед каждым из проходящих; обнимает, целует своего товарища, клянется ему в вечной дружбе, — или, приложив руку к щеке, один шатается посреди улицы, затагивая бесконечные склады своей нескладной песни. Нет черных мыслей, нет вредных намерений, нет злобных склонностей; его хмель добр, он пьет себе на радость; он поет, как другие пляшут, играют или буйствуют. Вино крепит его тело, вино разогревает его кровь, стынущую в сыром, холодном воздухе, переменчивому влиянию которого он беспрестанно подвержен; ему нужен напиток живой, сильный и крепкий, — как жив, силен и крепок он сам, как тяжела работа, к которой он привык, которую он любит». Затем автор приводит еще слова Владимира, сказанные послан камских болгар о необходимости вина для русских сердец...

От частного очертания петербургского народонаселения по разряду перейдем к общему взгляду на всю сплошную массу, на образ жизни, господствующие привычки и вкусы и на все, в чем сходятся и расходятся между собою многочисленные и разнообразные петербургские жители.

В Петербурге вообще едят много, и всякий петербургский человек, почитающий себя в праве пользоваться благами жизни, столько же прихотлив в пище, сколько неприхотлив петербургский простолюдин. Обед у Дюмэ за общим столом, у Леграна или у какого-нибудь другого известного ресторатора составляет постоянную мечту петербургского бедняка, получающего семьсот рублей жалованья, и если ему хоть раз в месяц, с величайшими пожертвованиями, удастся удовлетворить любимую мечту своего желудка, он уже счастлив и с новою силою обрекает себя на труд и лишения до нового вожделенного праздника. Время обеда есть время отдыха для большей части петербуржцев, к которому они спешат оканчивать все дела и заботы текущего дня. Заметим здесь, что явившись в некороотко-знакомое семейство в час обеда, полезнее уклониться от приглашения хозяина остаться «откушать», потому что, как бы ни было радушно приглашение, хозяин будет все-таки внутренне встревожен: в Петербурге большею частью в приготовлении обеда придерживаются такого обычая, что пословица «где двое сыты, там и третий не будет голоден» не всегда может оправдаться. Впрочем, бывают и исключения и даже не совсем редкие...

В отношении к помещению, в Петербурге, несмотря на дороговизну квартир, господствует пристрастие к простору. Любовь к красивой и дорогой мебели, к эластическим диванам и креслам, к обоям, камину и разным кабинетным безделкам в петербургских жителях нередко доходит даже до слабости. Отказывают себе в лишнем кушанье на столе, в удовольствии посмотреть бенефис Каратыгина, побывать на гулянье в Петергофе или Павловске, только бы заместить пустой простенок красивым столом с бронзовыми часами под стеклянным колпаком. В Петербурге много мебелильных «художников» разного рода и, благодаря этому обстоятельству, вы можете иметь одну вещь в тысячу рублей, а другую во сто, между которыми с первого взгляда не откроете никакой разницы; вот причина, почему мебель у петербургских жителей, у бедных и у богатых, почти одинакова и одинаково (на вид) хороша.

В Петербурге одеваются хорошо.

Кроме театральных зрелищ, балов, вечеринок и проч., важнейший пункт соединения петербургских жителей, как известно всякому, преферанс, которому ежедневно посвящает по семи часов и более, по крайней мере, пятая доля петербургского населения.

Если б нужно было перейти от общего очертания петербургских жителей к частностям, можно бы указать на некоторые явления, исключительно принадлежащие Петербургу, которые обыкновенно называются «типами»... Везде есть ростовщики; но ростовщик петербургский совсем не то, что, например, ростовщик московский; последний, смею уверить вас, не годится ему в ученики! Племя ростовщиков в Петербурге — весьма почтенное племя и делится на несколько разрядов, не имеющих между собою ничего общего, кроме ремесла. Оно так же разнообразно по видовым отличиям своего занятия, как племя петербургских сочинителей, которые, кажется, все делают одно и то же — сочиняют, а между тем как много каждый из них разнится от другого! «Сочинитель» в Петербурге также лицо типическое, которому доньше не явилось достойного описателя. Мы когда-нибудь примем этот труд на себя. Не менее занимателен «петербургский книгопродавец», — лицо до того «петербургское», что не живший в Петербурге не мог бы составить себе о нем ни малейшего понятия. И мало ли есть еще в Петербурге расхаживающих с разодранными локтями или разъезжающих в щегольской коляске, молодых и старых, веселых и грустных «особенностей», которые так и просятся на бумагу!..

<«Лит. Газета», 1844, №№ 31—32; без подписи.>

<2>

ОСТРОУМНЫЕ НАДПИСИ

Дух критиканства есть настоящий дух нашего времени. Каждый — ходит ли он в кондитерскую, гуляет ли по Невскому проспекту — считает долгом своим смотреть сатирически на все и на всех. Каждая пошлая книга, автор которой отроду не читал ничего, кроме «Грязеславских Ведомостей», с первой же страницы пускается в критиканство, хоть бы насчет близорукости тех людей, которые «учатся по иностранным книгам», не подозревая в простоте души, что на свете существуют «Грязеславские Ведомости». Мы критикуем везде, где есть место и нет места, даже в станционном доме, пока нам перепрыгают лошадей... Если же в этот короткий срок не придет нам в голову ничего сатирического, мы просто напишем на стене хоть свою фамилию, с узорочным росчерком, потому что любит русский человек совать свою фамилию везде, где только есть случай, хоть бы оно в сущности было тут и не-

нужно. Сколько придется в самую короткую дорогу прочитать таких надписей: проезжал Митряшкин; — здесь был и медпил купец Кожевников; — заели клопы! — Сеновалов; пил чай Клеев; курил Неклеев; дураки! — Заклейкин, и т. д. Но чаще случается, что острофы или невинные заметки наших предшественников подают повод к собственному нашему остроумию. Вот, для образчика, надписи, списанные нами с дипломатической точностью со стены одного станционнаго дома. Сначала написано:

Aimé, Sophie, Alexandrine.

Под этим, какой-то господин, в припадке сатирическаго расположения, подписал:

На сих стенах прочел
И с сердцем сокрушился
Зачем читать учился.

Третий проезжающий счел нужным, с своей стороны, окритиковать безграмотность второй заметки, в следующих стихах:

Лучше бы было не сокрушаться и не читать
Чем самому неправильно писать.

На это четвертый заметил таким образом:

Зачем нам о других жалеть
Взяться написать — и неуметь.

— 86 —

Но будеть объ лестницахъ. Не прошло пяти минутъ по уходы кухарки, какъ дверь

тихонько скрынула и въ кухню осторожными шагами вошелъ человекъ, вѣскольکو измятой, но благонамѣренной наружности, въ родѣ тѣхъ благородно-бѣдныхъ существъ, которыя если и просить милостыню, то не иначе, какъ по документу, напоминающему

СТРАНИЦА КОМИЧЕСКОГО АЛЬМАНАХА «ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ», 1846 г.

Иллюстрация к шуточной повести Некрасова и Достоевскаго «Как опасно предаваться честолюбивым снам»

Пятый выразился уже в прозе, так:

Правильное заключение! Еще бы надо было добавить осмелиться писать стихами и не уметь — русского правописания. Впрочем таков век. Все судят и рядят, а едва читать умеют.

Шестой заключил:

Сущая истина.

«Литер. Газета», 1845, № 1; без подписи.»

⟨3⟩

ПУШКИН И ЯЩЕРИЦЫ

В Германии какой-то профессор словесности, знающий русский язык, человек весьма ограниченный, презираемый своими слушателями, но очень много о себе думающий, однажды на лекции, разговорившись о богатстве и благозвучии русского языка, привел между прочим следующий пример:

«Когда я был в Риме, — сказал он пискливым, визгливо-пронзительным дискантом, — две знакомые дамы предложили мне отправиться с ними в Колизей. Торжественность места, освященного столькими воспоминаниями, так сказать, вдохновила меня, и я прочел моим спутницам одно из прекраснейших произведений Пушкина. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что несколько ящериц и жаба выползли из норок своих и, с видимым наслаждением слушая эту дивную гармонию, помавали головками!»

Тем из наших соотечественников, которые подвизаются на одном поприще с почтенным иноземным профессором, не худо принять к сведению его замечательное открытие...

«Альманах «Первое апреля», СПб., 1846; без подписи.»

⟨4⟩

СЛАВЯНОФИЛ

Один славянофил, то-есть человек, видящий национальность в охабнях, мурмолах, лаптях и редьке и думающий, что, одеваясь в европейскую одежду, нельзя в то же время остаться русским, нарядился в красную шелковую рубаху с косым воротом, в сапоги с кисточками, в терлик и мурмолку, и пошел в таком наряде показывать себя по городу. На повороте из одной улицы в другую обогнал он двух баб и услышал следующий разговор: «Вона! вона! гляди-ко, матка! — сказала одна из них, осмотрев его с диким любопытством, — глядь-ка, как нарядился! должно быть настраенец какой-нибудь!».

«Альманах «Первое апреля», СПб., 1846; без подписи.»

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Панорама Санктпетербурга» А. П. Башуцкого издана в 1834—1835 гг.

² Имеется в виду водевиль П. А. Каратыгина «Булочная, или Петербургский немец» (1843).

³ Автоцитата из стихотворного фельетона «Говорун. Записки петербургского жителя А. Ф. Белопяткина», гл. II, 3.

⁴ О «лекциях доктора Пуфа» в связи с фельетонами Некрасова см. во вступительной статье.